

На правах рукописи

БАЙКОВ Андрей Анатольевич

**СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИНТЕГРАЦИОННЫХ
ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ В ВОСТОЧНОЙ АЗИИ И ЗАРУБЕЖНОЙ
ЕВРОПЕ (ПОЛИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ)**

Специальность: 23 00 04 – политические проблемы международных
отношений и глобального развития

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата политических наук

19 НОЯ 2009

МОСКВА - 2009

Работа выполнена на кафедре прикладного анализа международных проблем Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России

Научный руководитель: доктор политических наук, профессор
Богатуров Алексей Демосфенович

Официальные оппоненты: доктор политических наук, профессор
Стрежнева Марина Вадимовна

доктор исторических наук, профессор
Мосяков Дмитрий Валентинович

Ведущая организация **Институт Европы РАН**

Защита состоится « 10 » декабря 2009 г в 12 часов на заседании Диссертационного совета Д 209 002 02 по политическим наукам Московском государственном институте международных отношений (Университете) МИД России по адресу 119454, г Москва, просп Вернадского 76

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке им. И.Г. Тюлина МГИМО-Университета

С авторефератом можно ознакомиться на официальном сайте МГИМ (У) МИД России www.mgimo.ru

Автореферат разослан « 2 » ноября 2009 г.

Ученый секретарь
Диссертационного совета

кандидат политических наук
И.Н. ТИМОФЕЕВ

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Интеграция – одно из важнейших проявлений глобальных политических и экономических процессов. Она связана с объединением ресурсов и борьбой за лидерство, с одной стороны, и добровольным самоограничением – в той или иной мере – свободы действий государств посредством «уз» преференциального сотрудничества, с другой. Начавшись как смелый эксперимент в Западной Европе в 50-х годах XX века, в 1980-х и 1990-х интеграция вышла далеко за рамки Европы и породила интеграционные «ядра» разной мощности в Северной и Латинской Америке, Восточной и Южной Азии и даже, с оговорками, на пространстве СНГ. Глобальный тренд требует и глобального осмысления, что невозможно без сравнения интеграционных «ядер» и процессов в разных частях мира с целью выявления их частных особенностей и общих закономерностей. Без изучения подобных сходств и различий вряд ли вообще можно говорить о глобальном управлении, мировом регулировании и международном порядке.

Актуальность темы диссертации определяется необходимостью осмысления опыта и специфики интеграционных взаимодействий в разных регионах мира в контексте их глобальной значимости, общемировых политических взаимосвязей и тенденций формирования единой глобальной экономики, так или иначе стимулирующих противоречивый процесс эволюции мирового политического сообщества государств и негосударственных субъектов.

Объектом диссертационного исследования выступают наблюдаемые, фиксируемые документально, статистически и институционально тенденции к интеграционному взаимодействию в географических границах современного Европейского Союза и в регионе Восточной Азии.

Предмет исследования включает содержательно-функциональные и формально-организационные черты сходства и различий в опыте интеграционного строительства в двух региональных подсистемах, а также обстоятельства, их породившие.

Хронологические рамки диссертации охватывают период с начала 1950-х по 2009-й годы с отдельными, аналитически обоснованными отступлениями в предшествующие этапы эволюции соответствующих стран, когда формировались предпосылки их последующего объединения. Выбор начала 1950-х годов в качестве исходной точки анализа связан с выдвиганием (1950) и реализацией (1951) в тех исторических условиях первых жизнеспособных инициатив интеграционного характера в Западной Европе.

В Восточной Азии интеграционные процессы стартовали позднее (с середины 1960-х годов), однако долгое время вдохновлялись примером интенсивного сотрудничества западноевропейских государств и в определенных параметрах воспроизвели его с отставанием в несколько десятилетий.

Территориальные рамки исследования ограничивают сферу анализа интеграционными взаимодействиями на пространстве двух международно-политических регионов – зарубежной Европы и Восточной Азии. Под зарубежной Европой в контексте диссертации понимаются страны Западной и Центрально-Восточной Европы, входящие в Европейский Союз в настоящее время или находящиеся с ним в отношениях преференциального сотрудничества, а под Восточной Азией – совокупность стран Юго-Восточной¹ и Северо-Восточной² Азии.

Целью работы является построение на базе исследования европейского и азиатского опыта научно обоснованной аналитической модели сравнения интеграционных процессов в зарубежной Европе и Восточной Азии, позволяющей адекватно оценивать интеграционные феномены в разных частях мира в широком международном контексте и в соотношении с глобальными процессами мировой политики и экономики.

В работе ставились следующие аналитические задачи:

- рассмотреть основные концепции и теории интеграционного взаимодействия, провести их систематизацию с позиций сравнительного исследования, проанализировать степень применимости этих теорий к опыту межгосударственного интеграционного сближения в зарубежной Европе и Восточной Азии,
- проследить эволюцию историко-политических типов интеграции на пространстве Европейского Союза и в Восточной Азии, включая трансформацию создававшихся для этого структур и механизмов, а также путей реформирования последних,
- разработать версию методологического инструментария для научно результативного сопоставления опыта интеграционного взаимодействия в обеих сравниваемых частях мира,
- выявить черты типологического сходства и различий в интеграционных процессах, протекающих в каждом из двух регионов.

¹ Бруней, Восточный Тимор, Вьетнам, Индонезия, Камбоджа, Лаос, Малайзия, Мьянма, Сингапур, Таиланд, Филиппины

² КНР, Тайвань, Южная Корея, Япония

Новизна исследования определяется тем, что в нем впервые была поставлена и разрешена в рамках очерченного предметного поля задача аналитического сопоставления интеграционных явлений, относящихся к типологически разным регионам мира, выявлены и систематизированы черты типологического родства интеграционных процессов в зарубежной Европе и Восточной Азии, хотя во многих случаях это родство бывает затенено очевидными фактами исторического, культурно-антропологического и иного несходства Европы и Азии в целом. Проведенный анализ может в определенной мере служить разрешению научной задачи разработки в будущем более универсальной («общей») концепции интеграции, к формулированию которой по существу уже приступили европейские, американские и азиатские ученые в 2000-х годах.

Развивая достижения видных представителей отечественной и зарубежной школ теоретического анализа и эмпирического описания интеграционных процессов в Восточной Азии и в зарубежной Европе, автор впервые в отечественной и зарубежной литературе разработал и применил методологию сравнительного анализа примеров межгосударственного сближения в двух регионах на основе понятия «историко-политического типа интеграции», складывающегося из последовательного анализа «парадигм действия» группировок в определенных областях взаимодействия. Для выделения типологически универсальных и регионально специфических черт интеграционного развития регионов впервые в научный оборот введен фактологический материал конца 2000-х годов, прежде всего относящийся к Восточноазиатскому региону, позволивший по-новому (в свете азиатского опыта) осмыслить определенные этапы эволюции и некоторые аспекты деятельности Европейского Союза. В круг анализа школ исследования интеграции в России был впервые включен массив новейшей аналитики, интерпретаций и концепций европейских, американских и восточноазиатских исследователей интеграционных процессов. В работе выделены ранее не отмечавшиеся исследователями черты типологических сходств и различий региональных вариантов интеграции, а также уточнены основные понятия, относящиеся к характеристике интеграционных процессов, в частности — прояснено соотношение терминов «интеграция», «регионализация» и «регионализм».

Значимость проделанной работы с теоретической точки зрения состоит в разработке концептуальной аргументации и аналитической схемы для научно обоснованного сравнительного изучения интеграционных явлений в зарубежной Европе и Восточной Азии, которая при дальнейших усилиях в русле интеграционных исследований может развиваться в определенный вклад в дело уточнения сложившихся интеграционных

теорий и определения конкретных эмпирических стратегий сравнительно-интеграционных исследований.

Практическая значимость исследования определяется возможностью использования выводов, полученных в результате проведенного анализа, для уточнения приоритетов политики Российской Федерации в отношении Европейского Союза, интеграционных проектов в Восточной Азии, а также отчасти – протоинтеграционных процессов на постсоветском пространстве, в которых Россия сама стремится сыграть роль консолидирующего «ядра». Сравнение интеграционных моделей в мире, учет их объективных возможностей и перспектив может способствовать принятию Российской Федерацией аналитически выверенных решений по поводу интеграционных явлений в своем ближайшем международном окружении.

Теоретико-методологическую основу диссертационного исследования составляют системно-исторический и структурно-функциональный подход в их единстве, необходимом при описании исторического развития общественных систем (понимаемом как движение общества во времени) при параллельном учете эволюции регулирующих институтов и объяснении внешних и внутренних факторов этих изменений. Единство системно-исторического и структурно-функционального анализа обогащает изучение взаимосвязанных, но разделяемых в аналитических целях процессов и функциональных областей интеграционных взаимодействий. Специфические теоретико-методологические подходы к анализу феномена интеграции обрисованы в обзоре теории вопроса в гл. 1.

Проведение полноценного сравнительного анализа интеграционных взаимодействий в различных регионах мира было невозможно без опоры на фундаментальные разработки исследователей европейского варианта интеграции. Именно благодаря им и на их основе стало возможным выделение главных типологических черт европейской интеграционной модели, что существенно облегчает ее сравнение с моделями неевропейскими, в частности восточноазиатской. В известном смысле именно труды зарубежных и отечественных европеистов послужили автору этой диссертации гносеологической моделью анализа, способствовав выработке собственной методологии.

В ходе исследования автор также опирался на логико-интуитивный метод с элементами эмпирического описания. Изложение было построено на принципах сравнительного анализа (политическая компаративистика), выдержанного в духе концепции «сопоставления двух максимально различающихся систем»³ или «минимально подобных» элементов⁴. Под

³ Przemorski A., Teune H. The Logic of Comparative Inquiry. New York, 1970

максимально различающимися системами здесь понимаются такие сопоставимые между собой по общим параметрам социальные системы, у которых, несмотря на преобладание между ними различий, все же есть одна или несколько значимых черт сходства. При сравнении максимально различающихся систем цель исследования сводится к тому, чтобы объяснить наличие у них сходных черт⁵.

На понимание автором природы интеграции повлияли идеи теории коммуникации К Дойча 1960-х годов, соотнесенные с более поздними концепциями западных и отечественных трудов по международным отношениям и регионалистике и обогащенные их достижениями

В процессе подготовки работы был привлечен широкий круг источников. Основой для анализа интеграционных процессов в зарубежной Европе послужили в первую очередь учредительные документы Европейских сообществ и Европейского Союза. К ним относятся главным образом основополагающие договоры, в частности Договор, учреждающий Европейское экономическое сообщество, и Договор о Европейском Союзе в редакции Ниццкого договора 2001 года, согласно которым функционирует политическая система ЕС в настоящий момент, а также не вступивший в силу Лиссабонский договор. К этой же группе источников принадлежат официальные документы Комиссии ЕС: Зеленые и Белые книги, протоколы заседаний Комиссии, проекты регламентов и директив, сообщения и доклады, публикуемые Комиссией⁶, материалы публичных слушаний в Европейском парламенте, речи его председателя⁷.

Исследование восточноазиатских процессов строилось на базе изучения документов ведущих организаций межгосударственного сотрудничества в регионе. Это прежде всего собранные на официальном сайте Ассоциации стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН) фильмокопии учредительных деклараций и соглашений АСЕАН, стенограммы заседаний конференций министров иностранных дел и министров экономического развития государств региона, тезисы выступлений председателей саммитов АСЕАН, «АСЕАН плюс Три» и Восточноазиатских саммитов⁸.

⁴ Gerring J. Case study research: principles and practices. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. См. Зобрик Ю., Худяковская А. Методика исследования ситуаций // Международные процессы. Том 5. № 2(14). Май-август 2007.

⁵ Стрележева М.Е.С. и СНГ: сравнительный анализ институтов. М., 1999. С. 19-20.

⁶ European Commission. Composite Paper. EC, Brussels, 1998.

⁷ Договор о Европейском Союзе // Европейский Союз: прошлое, настоящее, будущее. М., 1994. Договоры об учреждении Европейских сообществ. М. Право, 1994. Европейский Союз. Основополагающие акты в редакции Лиссабонского договора с комментариями. М. Инфра-М, 2008. Европейское оборонное сотрудничество. Документы и комментарии / С.Ю. Кашкин, П.А. Калининченко, А.О. Четвериков / Под ред. С.Ю. Кашкина. М. Профобразование, 2004.

⁸ Chairman's Statement of the 8th ASEAN+3 Summit. Strengthening ASEAN+3 Cooperation. Vientiane, November 29, 2004. <http://www.aseansec.org/16847.htm>, Chairman's Statement the 11th ASEAN Summit. Kuala Lumpur, 12 December 2005, Chairman's Statement the First ASEAN Regional Forum. Bangkok, 25 July 1994, Chairman's

Сравнительный анализ документов, относящихся к ЕС и к интеграционному взаимодействию в Восточноазиатском регионе, дал возможность предметно сопоставить цели интеграционных устремлений в обоих ареалах, степень детализации принимаемых соглашений на разных этапах сближения, соотношение идеологических и прагматических компонентов в планах соответствующих групп стран.

Полезными для анализа оказались американские документы по отдельным вопросам. В частности, богатый материал был почерпнут из сборника по внешней политике Государственного департамента США, относящегося к ситуации в Западной Европе в начале 1950-х годов⁹. Содержащиеся в нем материалы корреспонденции между Вашингтоном и западноевропейскими столицами позволили уточнить оценки позиций США, Франции и Великобритании по отношению к возникновению полноценных политической и оборонной структур Европейского сообщества на фоне борений вокруг создания Европейского политического сообщества и Европейского оборонительного сообщества. В работе были также использованы материалы европейских, американских, японских, южнокорейских, китайских журналов, специализирующихся на вопросах интеграции и международных отношений, а также научно-аналитическая периодика, выходящая в России. Источником информации о текущих событиях и мероприятиях организаций были новостные разделы на сайтах АСЕАН¹⁰, Европейского Союза¹¹, а также сообщения информационных агентств и периодических изданий.

Отдельной группой источников являются использованные в работе мемуары. Она включает воспоминания основоположников западноевропейской интеграции – в первую очередь Ж. Монне, Р. Мажорлена, и отдельных руководителей государств-членов ЕЭС, прежде всего – К. Аденауэра и Ш. де Голля. К этому пласту источников относятся автобиографические сочинения видных американских и европейских политиков – Д. Ачесона, Э. Бевина, Дж. Бейкера, непосредственно влиявших на международные отношения в Европе и Тихоокеанской Азии. Интерес для работы представляли и опубликованные недавно воспоминания восточноазиатских лидеров о путях интеграции в регионе, прежде всего бывшего премьер-министра Малайзии М. Мохаммада¹².

statement the Second East Asia Summit Cebu, Philippines, 15 January 2007 // <http://www.12thaseansummit.org/ph/innertemplate2.asp?category=docs&docid=20>, ASEAN Press Statement by the Chairperson of the 9th ASEAN Summit and the 7th ASEAN + 3 Summit, Bali, Indonesia. 7 October 2003. Clause 10

⁹ Foreign Relations of the United States 1952-1954 Vol. 5 Pt. 1 Wash., 1983

¹⁰ Официальный сайт АСЕАН www.ascansec.org

¹¹ Официальный сайт Европейского Союза www.europe.eu

¹² *Gaullie Ch., de A Concert of European States // The European Union. Readings on the Theory and Practice of European Integration / Brent F. Nelsen and Alexander C-G. Stubb (eds.) London, Boulder, Co. Lynne Rienner*

Особый пласт источников представляли собой ставшие «классическими» труды по интеграции в Западной Европе и Юго-Восточной Азии, вышедшие в 1960-1980-х годах в нашей стране. Их стоит упомянуть вследствие того, что они, приобретая в свое время «установочный характер», не только сформировали эталонный стандарт политических интерпретаций данной темы в СССР, но и оказывали практическое влияние на выработку политического курса Советского Союза в отношении феномена интеграции в Западной Европе, поскольку на протяжении десятилетий служили основой подготовки внешнеполитических кадров

«Нормативными» работами такого рода по Западной Европе являются хорошо известная в России и за рубежом книга В.Б. Княжинского «Западноевропейская интеграция и международные отношения», изданная на английском языке, и некоторые другие его книги, а также основополагающие для своего времени монографии В.Г. Барановского. Ю.А. Борко, Ю.В. Шишкова¹³. Среди фундаментальных работ по межгосударственному сближению в Юго-Восточной Азии, вышедших в 1970-1980-х годах, стоит выделить книги Н.П. Малетина и В.В. Самойленко¹⁴.

Степень научной разработанности проблемы определяется наличием определенного круга монографических исследований ведущих отечественных и зарубежных авторов. Литература по теме диссертации может быть сгруппирована в четыре блока: 1) общие работы по теории структурно-системного анализа; 2) общие исследования историко-политического профиля по международным отношениям; 3) труды по истории интеграции в зарубежной Европе и в Восточной Азии, 4) работы сравнительного характера, посвященные сопоставлению интеграционного опыта в различных регионах мира.

Отправной точкой исследования стали теоретические труды ведущих российских ученых, опирающихся на системный подход к изучению международных отношений. В концентрированном виде основные принципы и идеи этого подхода были сформулированы в трудах Т. Парсонса, А. Этциони, Дж. Розенау, а также выдающихся представителей

Publishers, 1994, *Monnet J* Memours London, 1978, *Acheson D* Present At The Creation. My Years in the State Department. New York Norton, 1969, *Adenauer K* Memoirs, 1945-1966 Chicago Henry Regnery, 1966, *Baker J* The Politics of Diplomacy Revolution, War and Peace 1989-1992 New York, NY Putnams, 1995, *Mahathir M* Let's Asians build their own future regionalism // *Global Asia*. Vol 1 No 1 2006

¹³ *Knyazhinsky V* West European Integration its Policies and International Relations М., 1984, *Княжинский В.Б.* Политическая стратегия антикоммунизма. Очерки истории империалистической политики «европейской интеграции» М., 1969, *Барановский В.Г.* Европейское сообщество в системе международных отношений / ред. В.И. Гантман - М. Наука, 1986, *Он же* Политическая интеграция в Западной Европе. Некоторые вопросы теории и практики. М., 1983

¹⁴ *Малетин Н.П.* АСЕАН в системе международных отношений М., 1982, *Он же* Ассоциация стран Юго-Восточной Азии – АСЕАН. М., 1980, *Самойленко В.В.* АСЕАН политика и экономика. М., 1982

советской культурологии – прежде всего структуралиста Ю.М. Лотмана. В 1970-х – 1980-х годах идеи системно-структурного анализа были восприняты западной политической наукой. Применительно к исследованиям международных отношений системно-структурный анализ получил распространение в СССР отчасти благодаря публикациям ряда книг в Институте мировой экономики и международных отношений, познакомивших советского читателя с достижениями западных авторов-структуралистов¹⁵.

Примерно в то же время в МГИМО МИД СССР сложилась собственная школа системно-структурного анализа. Разработки школы системно-структурного подхода в МГИМО были продолжены в 1990-х и особенно 2000-х годах. Необходимо в этой связи упомянуть вышедшую в 2006 г. книгу академика Е.М. Примакова и профессора М.А. Хрусталева о прикладных методах моделирования международно-политических ситуаций («Ситуационные анализы: методика проведения»¹⁶) и монографию М.А. Хрусталева «Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза», выпущенную в 2008 году, в которой в наиболее развернутой форме изложен прикладной системно-структурный подход к анализу международно-политической действительности¹⁷. Примером использования системно-структурного подхода к исследованию международно-политических явлений в Азии служит работа А.Д. Богатунова «Великие державы на Тихом океане»¹⁸.

Среди использованных в диссертации зарубежных работ общетеоретического профиля в первую очередь необходимо назвать труды по теории международной системы, принадлежащие ведущему современному американскому теоретику К. Уолтцу, а также ставшие хрестоматийными работы Дж. Розенау, Р. Гилпина, К. Дойча, Г. Киссинджера, Р. Кохэйна, Г. Моргентау, Дж. Ная, М. Хааса, в которых под разными углами зрения уделяется внимание разработке понятийного аппарата международно-политического системного анализа, предполагавшее методологическое и логическое единство глобального, регионального и индивидуально-странового срезов мировой системы¹⁹.

¹⁵ Современные буржуазные теории международных отношений. Отв. ред. В.И. Гантман. М., 1976.

¹⁶ Примаков Е.М., Хрусталева М.А. Ситуационные анализы: методика проведения. Выпуск 1. М., 2006.

¹⁷ Хрусталева М.А. Анализ международных ситуаций и политическая перспектива. М., 2008.

¹⁸ Богатунов А.Д. Великие державы на Тихом океане: история и теория международных отношений в Восточной Азии после второй мировой войны (1945-1995) / Ин-т США и Канады РАН - М: Московский обществ. наук фонд, 1997.

¹⁹ Waltz K. Theory of International Politics. Reading, 1979; Gilpin R. The Political Economy of International Relations. Princeton, 1987; Deutsch K., Singer D. Multipolar Power Systems and International Stability – In: Analyzing International Relations: a Multimethod Introduction. Ed. By W. Coplin and Ch. Kegley. New York, 1975; Nye J. Bound to Lead: the Changing Nature of American Power. New York, 1990; Rosenau J. Turbulence in World Politics: a Theory of Change and Continuity. Washington, 1991.

Монографические публикации общетеоретического профиля, обращенные непосредственно к теме настоящей работы, включают труды Э. Дюркгейма²⁰ об общественном разделении труда и М. Вебера²¹ о принципах организации общественной деятельности. К этой категории примыкают публикации, систематизирующие предпринятые до сих пор изыскания с целью создания как общей теории интеграции, так и ее регионально (прежде всего европейски) ориентированных версий. Из работ, заложивших теоретические основы понимания современных интеграционных процессов, необходимо назвать труды К. Дойча²², Д. Митрани²³, А. Спинелли²⁴, Э. Хааса²⁵.

К данному пласту работ относятся монографии систематизирующего характера. Необходимо выделить фундаментальное произведение Ч. Петланда «Международная теория и европейская интеграция»²⁶, в котором автор одним из первых предпринял попытку изложить и «сопоставить» сформулированные к тому времени теоретические модели интеграционных процессов в разных регионах мира. В этом же ряду находится монография, подготовленная коллективом авторов Оксфордского университета под редакцией А. Винер и Т. Диеза «Теория европейской интеграции»²⁷. В ней подробно излагаются не только «канонические» интеграционные парадигмы, но и концептуальные схемы постмодернистского толка²⁸.

В диссертации были учтены некоторые положения о встроенности феномена интеграции в международно-политический контекст и подчиненности ее развития структурным тенденциям эволюции мировой системы, высказывавшиеся в исследованиях Т.А. Алексеевой²⁹, Э.Я. Баталова³⁰, А.Д. Богатурова³¹, О.В. Буториной³², И. Валлерстайна³³, А.Д. Воскресенского³⁴, Т.В. Зоной³⁵, М.В. Ильина³⁶, Ч. Капчана³⁷,

²⁰ Дюркгейм Э. Социология: предмет, задачи, предназначение науки. М., 1995, *Durkheim E. The division of Labor in Society*. New York, 1960

²¹ Weber M. The Theory of Social and Economic Organisation. Free Press, 1997. Parsons T. The Theory of Social and Economic Organization by Max Weber. New York, 1947, 2001

²² Deutsch K. Political Community and the North Atlantic Area. Princeton, 1957

²³ Mitrany D. A Working Peace System. London, 1943

²⁴ Spinelli A. The Eurocrats. Baltimore, 1966

²⁵ Haas E. Uniting of Europe. Stanford, 1958

²⁶ Pentland Ch. International Theory and European Integration. London, 1973

²⁷ European Integration Theory / Antje Wiener and Thomas Diez (eds.) Oxford. The Oxford University Press, 2004

²⁸ Детальный разбор школ, теории и концепций интеграционного взаимодействия приводится в Гл. 1

²⁹ Алексеева Т.А. Россия в глобальном восприятии // Международные процессы. Том 5. № 2. Май-август 2007

³⁰ Баталов Э.Я. Человек, мир, политика. М., 2008

³¹ Богатуров А.Д. Великие державы на Тихом океане. М., 1996

³² Буторина О. Понятие региональной интеграции: новые подходы // Космополис. 2005. № 3

³³ Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. Сборник статей. СПб., 2001

³⁴ Воскресенский А.Д. Китай в контексте глобального лидерства // Международные процессы. Том 2. № 2. Май-август 2004, Он же. Россия и Китай: теория и история межгосударственных отношений. М., 1999, Он же

М М Лебедевой³⁸, А В. Мальгина³⁹, Т де Монбриалья⁴⁰, А В. Торкунова⁴¹, М А Хрусталева⁴², Т А Шаклеиной⁴³, А. Этциони⁴⁴.

Из *общеисторического* пласта особенно полезной для диссертанта стал третий том монографического исследования «Системная история международных отношений в четырех томах», написанного коллективом авторов под руководством А Д Богатурова⁴⁵ Отдельные аспекты интересовавших автора вопросов проанализированы также в монографиях А О Богомолова, А. Верта, С.И. Вербицкого, Ю А Дубинина, А.В Крутских, М М Наринского, А О Чубарьяна, в коллективных трудах Института всеобщей истории РАН⁴⁶

Отечественная историография интеграционных процессов в Европе и Азии очень обширна. Диссертант опирался на труды ярких представителей нескольких поколений отечественной школы регионалистики и интеграционных исследований Из длинного ряда подобных работ, посвященных истории интеграции в Западной Европе и Восточной Азии,

Региональные подсистемы международных отношений и регионы мира. (К постановке проблемы) // Восток - Запад - Россия Сборник статей М, 2002, *Он же* Азиатско-Тихоокеанский регион на раннем этапе становления региональной подсистемы международных отношений (1900-1920-е годы XX в) // Восток /Запад Региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений / Под ред А Д Воскресенского, МГИМО (У) МИД России М, 2002

³⁵ *Зонova Т В* Дипломатия Ватикана в контексте эволюции европейской политической системы М, 2000, *Она же* Современная модель дипломатии истоки становления и перспективы развития М, 2003, *Она же* Дипломатия в условиях европейской интеграции и регионализации // Мир и Россия на пороге XXI века. Вторые Горчаковские чтения МГИМО МИД России (23- 24 мая 2000 г) М, 2001

³⁶ *Ильин М* Политическая глобализация институциональные изменения / М Ильин // Грани глобализации М, 2003

³⁷ *Kupchan Ch A, Adler E, Coicaud J-M and Foong Khong Y* Power in Transition The Peaceful Change of International Order N Y, 2001

³⁸ *Лебедева М М* Мировая политика. М, 2006

³⁹ *Мальгин А В* Эволюция политики Европейского Экономического Сообщества / Европейского Союза в средиземноморском регионе (1950-1990 годы) диссертация канд полит наук / науч рук. В Б Княжинский - М, 2000

⁴⁰ *Де Монбриаль Т* Действие и система мира. М, 2005

⁴¹ *Торкунов А В* Мировые реалии начала XXI в. и внешняя политика России 1991-2002 // Аналитические записки Вып 1 М, 2004

⁴² *Хрусталева М А* Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза. М, 2008

⁴³ *Шаклеина Т А* Россия и США в новом мировом порядке М, 2002

⁴⁴ *Этциони А* От империи к сообществу новый подход к международным отношениям М, 2004

⁴⁵ *Системная история международных отношений в четырех томах / Под ред А Д Богатурова. Том второй События 1945-2003 годов М, 2001*

⁴⁶ *Богомолов А О* Тихоокеанская стратегия США и АСЕАН М Наука, 1989, *Верта А* Франция 1940-1955 М, 1959, *Вербицкий С И* Японо-американский военно-политический союз М Главная редакция восточной литературы, 1972, *Воронцов А В* «Треугольник» США – Япония – Южная Корея Миф и реальность М Наука, 1991, *Дубинин Ю А* Восточная Азия в период завершения «холодной войны» // Конец «холодной войны» новые факты и аспекты Саратов СГУ, 2004, *Крутских А В* Американская политика «партнерства» в восточноазиатском регионе М Международные отношения, 1980, *Наринский М, Карев В* Общие истоки европейской цивилизации // Европейский альманах М. Наука, 1991, *Наринский М* Англия и Франция в послевоенной Европе 1945-1949 гг - М Наука, 1972, *Ушаков В Б* Внешняя политика Германии в период Веймарской Республики М, 1958, Холодная война 1946-1963 гг Историческая ретроспектива. Сб статей / Рос акад наук Ин-т всеобщ истории / Отв ред Н И Егорова, А О Чубарьян М, 2003, *Чубарьян А* Европейская идея в истории Проблемы войны и мира. М Наука, 1987

следует особо выделить книги В.Б. Княжинского⁴⁷, Н.К. Арбатовой⁴⁸, В.Г. Барановского⁴⁹, Ю.А. Борко⁵⁰, В.В. Журкина⁵¹, Г.М. Костюниной⁵², М.М. Максимовой⁵³, Н.П. Малетина⁵⁴, В.В. Михеева⁵⁵, Д.В. Мосякова⁵⁶, В.В. Самойленко⁵⁷, В.Г. Шемятенкова⁵⁸, Ю.В. Шишкова⁵⁹, Е.С. Хесина, Г.И. Чуфрина⁶⁰, Ю.И. Юданова, коллективные монографии Института Европы и Института востоковедения РАН⁶¹. В них соединился историко-политический подход к освещению предмета с глубоким знанием региональной специфики. В этой связи уместно упомянуть работы А.Д. Богатурова⁶², О.В. Буториной⁶³, А.Д. Воскресенского⁶⁴. Они примечательны тем, что границы анализа в них расширяются до уровня, на котором возможны обобщения не только регионального, но и более высокого порядка.

Интересные варианты прочтений истории возникновения интеграционных проектов в Западной Европе приведены в работах зарубежных авторов М. Бургесса, Д. Бурки, А. Боска, Д. Динана, П. Кинга, Т. Кристиансена, П. Фонтэна, С. Хоффмана⁶⁵. Историко-политическим

⁴⁷ Княжинский В.Б. Политическая стратегия антикоммунизма. Очерк истории империалистической политики «европейской интеграции» М., Международные отношения, 1969

⁴⁸ Арбатова Н.К. Средиземноморье: проблемы безопасности / Ин-т мировой экономики и международных отношений АН СССР - М. Наука, 1990

⁴⁹ Барановский В.Г. Миссия Европы // Современные международные отношения и мировая политика. Учебник для вузов / Отв. ред. А.В. Торкунов, МГИМО (У) МИД России М., 2004,

⁵⁰ Борко Ю. «Европейская идея» от утопии – к реальности // Заглядывая в XXI век. Европейский Союз и Содружество Независимых Государств М., 1998, Он же. Экономическая интеграция и социальное развитие в условиях капитализма. буржуазные теории и опыт Европейского сообщества / Отв. ред. В.А. Виноградов М., 1984, Он же. От европейской идеи – к единой Европе М., 2003, Он же. Эволюция взглядов на европейскую интеграцию в СССР и России: политический и научный подходы // Борко Ю.А. От европейской идеи – к единой Европе М., 2003

⁵¹ Журкин В.В. Европейский союз: внешняя политика, безопасность, оборона / Ин-т Европы РАН - М., 1998

⁵² Костюнина Г.М. Азиатско-Тихоокеанская экономическая интеграция М. РОССПЭН, 2002

⁵³ Максимова М.М. Основные проблемы империалистической интеграции. Экономический аспект М., 1971

⁵⁴ Малетин Н.П. АСЕАН: четыре десятилетия развития. М., 2007, Он же. От АСЕАН-6 к АСЕАН-10: новый геополитический фактор в регионе. Москва. Институт стран Азии и Африки при МГУ, 2003, Он же. АСЕАН: три десятилетия внешней политики (1967-1997) М., 1999, Он же. АСЕАН: три десятилетия (1967-1997) – три политики М., 1997, Он же. АСЕАН в системе международных отношений М., 1982, Он же. Ассоциация стран Юго-Восточной Азии – АСЕАН. М., 1980

⁵⁵ Михеев В.В. Глобализация и азиатский регионализм. Вызовы для России М., 2001

⁵⁶ Мосяков Д. Китай и страны АСЕАН // Азия и Африка сегодня. 2004. № 8, Он же. Юго-Восточная Азия: формирование цивилизационной общности? // Восток. 2008. № 2

⁵⁷ Самойленко В.В. АСЕАН: политика и экономика М., 1982

⁵⁸ Шемятенков В.Г. Европейская конституция и ее перспективы // Европейский парламент: проблемы и перспективы / Под общ. ред. В.Я. Швейцера. М., 2004

⁵⁹ Шишков Ю.В. Теория региональной капиталистической интеграции М., 1978, Он же. Интеграционные процессы на пороге XXI века. почему не интегрируются страны СНГ М., 2001

⁶⁰ Чуфрин Г.И. Экономическая интеграция в Азии. Проблемы и перспективы регионального экономического сотрудничества развивающихся стран Азии М. Международные отношения, 1975, Чуфрин Г.И., Подберезский И.В. Становление региона. интеграционные процессы в Юго-Восточной Азии М., 1989

⁶¹ Становление региона. интеграционные процессы в Юго-Восточной Азии: тезисы научной конференции / АН СССР. Институт востоковедения. М., 1987

⁶² Богатуров А.Д. Великие державы на Тихом океане М., 1997

⁶³ Буторина О. Понятие региональной интеграции: новые подходы // Космополис. 2005. № 3

⁶⁴ Воскресенский А.Д. Большая Восточная Азия М., 2006

⁶⁵ A constitution for Europe: a Comparative Study of Federal Constitutions and Plans for the United States of Europe / King P. and Bosco A. (eds.) London, 1991, Burgess M. Federalism and European Union. The Building of

исследованиям восточноазиатской интеграции отданы работы А. Ачарии⁶⁶, М. Бисона⁶⁷, К. Дента⁶⁸, Б. Хеттне⁶⁹ и П. Катценштайна⁷⁰. В книгах этих зарубежных авторов были высказаны идеи, позволившие взглянуть на восточноазиатские региональные процессы как на типологически сходные с процессами, развивающимися в Европе.

В конце XX века в специальной литературе произошел мощный «выброс» индивидуальных и коллективных работ, в которых ведущие зарубежные специалисты по регионализму (в том числе европейскому⁷¹) по сути отказались от идеи об универсальной объяснительной ценности интеграционных теорий, основанных на европейском опыте⁷². Довольно многочисленная группа зарубежных ученых⁷³ приступила к осторожному конструированию концепций, нацеленных на осмысление уникального европейского опыта в контексте интеграционного развития других частей мира⁷⁴. Речь, конечно, не шла о попытках «принизить» значение европейского интеграционного феномена. Но авторы явно стремились включить в фокус «науки об интеграции» явления из других частей планеты. Выросший в 1990-х годах на основе этих выводов пласт «ревизионистской» литературы и содержащихся в них гипотез, наблюдений и объяснений получил общее название «теорий нового регионализма» (ТНР).

Europe, 1950-2000 London, 2000, *Burgess, J.P.* Federalism and European Union Political Ideas, Influences and Strategies in the European Community, 1972-1987 London, 1989, *Burca D. de* The Language of Rights and European Integration. Glasgow, 1995, *Christiansen T., Jorgensen K., Wiener A.* The Social Construction of Europe London, 2001, *Dinan D.* Ever Closer Union. London Palgrave, 1999, *Duitchen F.* Jean Monnet. The First Statesman of Interdependence New York and London, 1994, Economic and Political Integration in Europe, Internal Dynamics and Global Contexts / S. Bulmer and A. Scott (eds.) Oxford, 1994, *Fontain P.* Europe A Fresh Start The Schuman Declaration, 1950-90 Luxembourg Office for Official Publications of the European Communities, 1990, *Hoffman S.* The European Sisyphean Essays on Europe, 1964-1994 Boulder, 1995

⁶⁶ *Acharya A.* The Rise of Asia Who Takes the Lead London Palgrave, 2008, *Он же* Constructing a Security Community in Southeast Asia ASEAN and the Problem of Regional Order London Routledge, 2001, *Он же* Collective Identity and Conflict Management in Southeast Asia // Security Communities in Comparative and Historical Perspective / E. Adler and M. Barnett (eds.) Cambridge Cambridge University Press, 1998

⁶⁷ *Beeson M.* Regionalism and Globalisation in East Asia. Palgrave Macmillan, 2007

⁶⁸ *Dent Ch.* East Asia's Regionalism. London, 2008

⁶⁹ *Hettne B.* Globalisation and the new regionalism. the second great transformation. London Macmillan, 1999, *Hettne B. and Soderbaum F.* Theorizing the Rise of Regionness / New Regionalisms in the Global Political Economy London, 2002

⁷⁰ *Katzenstein P.* A World of Regions Asia and Europe in the American Imperium. N.Y. Cornell University Press, 2005, *Он же* European Enlargement and Institutional Hypocrisy Oxford, 2003, *Он же* Regional States Japan in Asia, Germany in Europe Ithaca. Cornell University Press, 2003, *Он же* Religion in an Expanding Europe Cambridge Cambridge University Press, 2006

⁷¹ *Katzenstein P.* Regionalism and Asia // New Political Economy Vol 5 No 3 2000 P 353-368

⁷² *Fawcett L. and Hurrell A.* Regionalism in World Politics Oxford Oxford University Press, 1995, Regionalism and World Order / A. Gamble and A. Payne (eds.) Basingstoke Macmillan, 1996, Globalism and the New Regionalism / B. Hettne, A. Inotai and O. Sunkel (eds.) London. Macmillan, 1999

⁷³ *Hettne B., Soderbaum F.* Theorising the rise of regionness // New Political Economy Vol 5 No 3 2000 P 457-474, *Wallace W.* Regional Integration. The West European Experience Westington DC The Brookings Institution, 1994

⁷⁴ *Milner H.* International theories of co-operation among nations strengths and weaknesses // World Politics No 44 (April) 1992 P 466-496 Милнер делал особый акцент на принципиальной закрытости региональных структур времени «холодной войны», которая стала размываться под действием глобализации. Отсюда – концепция «открытого регионализма»

Отталкиваясь от анализа терминов «регионализм», «регионализация» и «интеграция», они указали на сущностную близость этих понятий, подчеркнув принципиальную однотипность описываемых ими процессов, и наметили возможности сравнительного анализа опыта межгосударственного сотрудничества в различных частях мира. С таких позиций интеграция в ЕС стала выглядеть как частный случай регионализма. Западноевропейский опыт, как указывается в литературе, «утратил характеристики нормативной модели, став ориентиром для частных усилий некоторых межгосударственных группировок в области институционального строительства»⁷⁵.

Из работ данного направления, которое не мог игнорировать диссертант, выделяются оригинальные работы шведского автора Б. Хеттне⁷⁶, посвященные азиатским интеграционным процессам⁷⁷. Подход Б. Хеттне существенно снижает нормативную жесткость критериев интеграции, которые обычно постулируются в старых европейских теориях. В параллель ему видный специалист по европейской интеграции О.В. Буторина указывает, что если оценивать региональную интеграцию с точки зрения критериев евроинтеграции, то «...НАФТА беспомощно застряла на начальном этапе, а АСЕАН только приближается к нему <...> Да, АСЕАН сделала для региона большое дело, значительно укрепив его внутреннюю и внешнюю безопасность, однако <...> за это очки не начисляются»⁷⁸.

Рядом с трудами Б. Хеттне стоит назвать фундаментальную коллективную работу под редакцией профессора Корнельского университета (США) Т.Дж. Пемпела⁷⁹, в которой предпринята попытка систематизировать критерии интеграции, сомкнув экономический, историко-политический и культурно-психологический аспекты анализа региональных форматов многостороннего сотрудничества. Авторы указывают на «уникальные несравнимые геополитические условия, в которых зарождались региональные интеграционные импульсы» в Европе и Азии, но настаивают на необходимости осмысления обоих примеров интеграции как родственных или как минимум параллельных, теоретически совместимых, допускающих их рассмотрение в едином аналитическом контексте. В литературе 2000-х годов отказ от абсолютизации

⁷⁵ Dieter H. Report on East Asian integration: opportunities and obstacles for enhanced economic co-operation // Notre Europe Studies and Research Paper No 47 Paris, 2006, Acharya A. How ideas spread: whose norms matter? Norm localization and institutional change in Asian regionalism // International Organisation No 58 2004 P 239-275

⁷⁶ Hettne B. Beyond the New Regionalism // New Political Economy Vol 10 No 4, Hettne B., Söderbaum F. The New Regionalism Approach // Politica, March, 1999 № 17, Hettne B., Soderbaum F. Theorising the rise of regionness // New Political Economy Vol 5 No 3

⁷⁷ Hettne B. Globalisation and the New Regionalism: the Second Great Transformation // Hettne, B., Inotai, A. and Sunkel, O. (eds) Globalism and the New Regionalism. London: Macmillan, 1999 P 3-24

⁷⁸ Буторина О. Понятие региональной интеграции: новые подходы // Космополис 2005 №3 (13)

⁷⁹ Remapping East Asia: The Construction of a Region / Ed. by T. J. Pempel. Ithaca, 2005

«нормативности» европейского интеграционного опыта – общее место. НАФТА, АСЕАН, а иногда и МЕРКОСУР рассматриваются в них в одном ряду с ЕС, хотя никто не ставит под сомнение количественное и качественное превосходство и степень зрелости европейской интеграционной формы

Из массы других новых публикаций следует выделить свежую по интерпретациям работу профессора Йоркского университета (Великобритания) М. Бисона⁸⁰, развивающего подход Б Хеттне, а также превосходную по логике, хотя несколько обрывочную по манере изложения сводную историю тихоокеанских интеграционных инициатив, написанную американской исследовательницей Э. Фрост. В ряду наиболее интересных книг также следует упомянуть работу П Катценштайна⁸¹, в которой автор полемизирует с изложенной еще в 1961 г. «классической» пятичленной схемой американского теоретика венгерского происхождения Белы Балаши о последовательной эволюции от зоны свободной торговли через таможенный союз и общий рынок к полной экономической и политической интеграции⁸². Детерминизму Балаши он противопоставляет более гибкий критериальный комплекс. Подход Катценштайна в значительной степени свободен от излишнего формализма и «экономического крена», значительно раздвигая границы сравнения и увеличивая возможность увидеть в регионально специфических феноменах черты универсальных тенденций.

С библиографической точки зрения оценки, изложенные в отмеченных трудах, свидетельствуют о том, что, несмотря на обилие книг, издаваемых в Европейском Союзе и сфокусированных на анализе его интеграционного опыта, внутри школы интеграционных исследований в целом сложилась довольно многочисленная группа ученых, включая авторов европейского происхождения (Б Хеттне, М. Бисон), преодолевающих методологические ограничения европоцентричной парадигмы анализа. Авторы этой группы рассматривают феномен межгосударственного сближения в Восточной Азии как вариант интеграции, хотя и отличного от европейского, типа. Судя по литературе последних двадцати лет, интеграция в Восточной Азии – не просто реальность, но и реальность довольно хорошо изученная в ее многих конкретных аспектах, правда, не осмысленная в русле общей «регионально-интеграционной» концепции. Восточноазиатская интеграция не только возможна, утверждают исследователи и обозреватели. Она сложилась в своеобразную модель и развивается в согласии с ней, принося реальные

⁸⁰ Beeson M. *Regionalism and Globalisation in East Asia*. Palgrave Macmillan, 2007

⁸¹ Katzenstein P. *European Enlargement and Institutional Hypocrisy*. Oxford, 2003

⁸² Balassa B. *The Theory of Economic Integration*. Boston, MA: Irwin, 1961

плоды как с точки зрения стабилизации регионального порядка, так и в плане экономического процветания участвующих в ней народов

Третий блок публикаций включает работы сравнительно-интеграционного характера. Из многочисленного списка подобных работ, изданных как в России, так и за рубежом стоит назвать прежде всего несколько наиболее ярких работ, отдельные положения которых нашли отражение в диссертации. Это книги Е. Ю. Лицаревой⁸³, М. В. Стрежневой⁸⁴, Ю. В. Шишкова⁸⁵, Р. Лангхаммера⁸⁶, П. Катценштайна⁸⁷, Э. Фрост. Несмотря на то что некоторые исследования имели дело не с ЕС и Восточной Азией, а с другими региональными версиями интеграции, они представляют собой образцы сравнительного подхода, в которых шлифовался инструментарий, применение которого может быть полезным для любых компаративных исследований такого рода. Из подобных работ важно выделить монографию М. В. Стрежневой «ЕС и СНГ: сравнительный анализ институтов», в которой автор с социокультурных позиций и на основе критического переосмысления западных работ исследует происхождение, организационные формы и деятельность региональных политических институтов, предложив оригинальную методологию сравнения.

В той или иной мере диссертант также опирался на положения, обсуждавшиеся в книгах, разделах и статьях ведущих отечественных и зарубежных ученых, среди которых справедливо упомянуть Б. Бузана, А. С. Булатова, А. Г. Володина, Х. Дитер, А. Дадден, М. Финнемор, Э. Го, Х. Хардинга, Р. Кэйгана, Дж. Маккормика, Ш. Макхэйла, М. Мочидзуки, В. С. Мясникова, Х. Нау, А. Рикса, А. М. Слотер, М. А. Троицкого, Э. Сирайт, Д. Шамбо.

Основные положения и выводы диссертации были апробированы в ходе проведения занятий по курсам, читаемых на Кафедре прикладного анализа международных проблем МГИМО, а также во время выступлений и дискуссий на международных научных конференциях, организованных ИМЭМО РАН, РАМИ, НОФМО, Университетом им. Дж. Вашингтона (США). По теме диссертационного исследования опубликовано 10 статей в периодических изданиях (2 из них – на иностранных языках) общим объемом 8,5 п. л., в том числе 4 – в изданиях, входящих в перечень ВАК, а также глава в учебном пособии.

⁸³ Лицарева Е. Ю. Экономическая интеграция на Европейском континенте и в Азиатско-Тихоокеанском регионе во второй половине XX века. Томск, 2004.

⁸⁴ Стрежнева М. В. ЕС и СНГ: сравнительный анализ институтов. М., 1999.

⁸⁵ Шишков Ю. В. Интеграционные процессы на пороге XXI века. Почему не интегрируются страны СНГ? М., 2001.

⁸⁶ Langhammer R. J. Regional Integration APEC style. Lessons from integration EU Style. Singapore, 1999.

⁸⁷ Katzenstein P. A World of Regions. Asia and Europe in the American Imperium. N.Y.: Cornell University Press, 2005.

II. СТРУКТУРА И СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Структура работы подчинена выбору цели и задач исследования и состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованных источников и литературы.

Во *введении* обосновывается актуальность темы исследования, оценивается степень разработанности проблемы в научной литературе, раскрывается научная новизна диссертации, определяются объект и предмет исследования, формулируются его цели и задачи, характеризуется методологическая основа работы, приводится ее теоретическая и практическая значимость и апробация результатов исследования

В *первой главе «Опыт теоретического осмысления современных интеграционных тенденций»* сделан обзор школ интеграционных исследований, сопоставлены различные теории и подходы, сделана их классификация. Во *второй главе «Универсальное и регионально-специфическое в становлении историко-политического типа интеграции в зарубежной Европе»* анализируются причины возникновения первых интеграционных проектов в Западной Европе после Второй мировой войны, рассматривается влияние интеграционной политики на эффективность экономического роста стран-участниц Европейского Союза, исследуется характер эволюции институтов управления интеграцией, исследуются институты сотрудничества в сфере безопасности.

В *третьей главе «Эволюция историко-политического типа интеграции в Восточной Азии»* описывается структура восточноазиатского интеграционного поля, раскрываются мотивы и идеологические обоснования создания первых форматов межгосударственного сближения в Восточной Азии, дается сквозной хронологический обзор экономического интеграционного взаимодействия восточноазиатских государств и их попыток наладить многостороннее сотрудничество в области обеспечения безопасности.

В *заключении* излагаются основные выводы.

Основные положения диссертационного исследования. Исходной методологической гипотезой исследования было допущение о том, что ключевое типологическое подобие интеграции в зарубежной Европе и в Восточной Азии определяется не процедурой принятия интеграционных решений или мерой реализованности принципа наднациональности, а *устойчивой ориентацией участников интеграции на преференциальность отношений друг с другом, приоритетность развития внутригрупповых связей по отношению к внегрупповым, готовностью ради этого предоставлять друг другу на взаимной основе особые права, льготы и*

привилегии, а также явно выраженной ее участниками волей к многостороннему сотрудничеству для решения общих проблем, подтверждаемую регулярностью встреч для решения вопросов, выходящих за рамки обычного международного общения

В духе такого понимания интеграции для получения аналитически полезных результатов сравнению в работе подлежали не столько формы и институциональные критерии воплощения интеграционных устремлений, сколько сами эти устремления, мера их устойчивости, направленность и результативность

Непригодность применения институциональных признаков в роли критерия сопоставления разных региональных типов интеграции обусловила поиск новых принципов сравнения. В настоящей работе за основу взят признак «парадигмы действия». Под «парадигмой действия» в работе понимался *специфический для данной интеграционной группировки набор алгоритмов реализации программы взаимодействия группы государств в конкретной сфере*. Анализ парадигмы действия, в соответствии с цепочкой «потребность – интерес – цель – образ действия – результат» предполагает изучение исходных условий и факторов возникновения интеграционных импульсов (внешняя и внутренняя среда процесса), их отражение в концептуальных документах отдельных стран, многосторонних инициативах и соглашениях, планы действий на будущее, степень их реализации. Для целей сравнения были выбраны *шесть* компонентов интеграционной парадигмы действия: (1) учредительная; (2) идеологическая (3) экономическая; (4) парадигма управления; (5) парадигма роста и (6) парадигма обеспечения безопасности. В совокупности они образуют «историко-политический тип» интеграции

В связи с используемым в работе термином «парадигма действия» требуется пояснение. Диссертация не является исследованием по истории интеграционных процессов в традиционном смысле слова. Историческая перспектива шести десятилетий (1950-2000-е годы) послужила лишь эмпирической базой для решения основных задач диссертации. В центре внимания была не вся совокупность региональных тенденций и их конкретика, а лишь те из них, которые реализовались в устойчиво воспроизводившиеся связи, закономерности и главные черты межгосударственного сближения, определившие основные структурные особенности типов интеграции в сравниваемых регионах. Осмысленные в системе, эти связи, закономерности и черты могут, с точки зрения диссертанта, быть переданы с помощью термина «парадигма действия».

Анализ историко-политического типа интеграции в зарубежной Европе в соответствии с предложенной схемой дал возможность сформулировать и обосновать следующие положения.

1. Побудительным мотивом к сотрудничеству интеграционного типа в Западной Европе была профилактика генетически воспроизводившихся страхов повторения военного конфликта, особенно характерных для французского населения, пережившего три крупных вооруженных столкновения с Германией за менее чем 100 лет (1870-71, 1914-1919, 1939-1945). Реализация решения объединить базовые отрасли экономики Франции и Западной Германии на принципах наднациональности стала возможной в силу стечения обстоятельств: Западная Германия была оккупирована Францией и в любом случае не обладала полным суверенитетом, а Британия, в принципе способная противопоставить планам Франции собственную программу действий, предпочла остаться в стороне от проекта ЕОУС. *Считать наднациональность универсальной чертой интеграции уместно не в большей степени, чем ожидать в разных регионах мира стечения тех же исторических обстоятельств, что сложились в Западной Европе в 1945-1951 годах*

2. Нет оснований преувеличивать значение фактора «кризиса национального государства» для западноевропейской интеграции, а также тезиса французских интеллектуалов о желательности замены государственного порядка «надгосударственным». Идея об устаревании государственного суверенитета впитала субъективные переживания французской элиты по поводу катастрофичного опыта Третьей республики в межвоенный период. Вместе с тем интеграция была призвана решить сугубо национальные задачи Франции: недопущение реанимации германского милитаризма и возвращение Франции статуса лидера континентальной Европы. Эгоизм национальных интересов, который Ж Монне и другие сторонники «Европейской Федерации» обличали в конце 1940-х годов, оставался основой внешней политики самой Франции до 1970-х годов

Можно сказать, что наднациональность в Западной Европе была не следствием кризиса государственного суверенитета, а его триумфом. Возрождая свое лидерство, французы смогли навязать собственную формулу сближения с Германией, пользуясь слабостью последней. Эта же формула, под влиянием Парижа, была принята и более слабыми странами Бенилюкса, а также Италией, где, как и в Западной Германии, в то время действительно были сильны пацифистские настроения, всплеск которых характерен для большинства побежденных государств. Значимо, конечно, и то, что страх перед повторением войны соединился с желанием Германии

восстановить хозяйство в рамках западного блока, что естественным образом облегчило интеграционный процесс.

3. Исходными импульсами интеграции в Западной Европе были не экономические, а политико-психологические мотивы. Задачи экономического восстановления и сотрудничества выступали изначально только маскировкой военно-политических страхов. Лишь со временем, по мере углубления взаимодействия и появления общих хозяйственных интересов, то есть с 1960-х годов, экономические стимулы встали вровень с военно-политическими, а потом и подавили их.

4. Установка на тотальное, квазигосударственное интегрирование, при котором экономики государств-членов начинают сопрягаться подобно внутригосударственным регионам, остается базовым элементом экономической парадигмы действия ЕС. В то же время в экономическом смысле современный Европейский Союз представляет собой неравномерно интегрированный комплекс, в котором анклав с высоким уровнем сращивания (общая сельскохозяйственная, рыболовная политика), гармонизации (макроэкономическая политика в границах всего ЕС) и централизации принятия решений (страны «еврозоны») соседствуют с секторами низкой степени интегрированности (национально-специфические, ремесленные производства) и даже с теми, где возможен эффект дезинтеграции (социальная политика, налоговое законодательство). Асимметричность интеграции была связана как с периодическими этапами расширения, углублявшими внутреннюю неоднородность ЕС, так и с цикличностью мировой конъюнктуры. В период спадов степень конвергенции стран снижалась, а региональные диспропорции возрастали.

5. Модель расширения сферы западноевропейской интеграции не имела характера поступательного развития, отличалась чередованием «рывков» и «отступлений», периодов «забегания вперед» и откатов адаптации «Интеграционное ядро», а вместе с ним и вся интеграционная система в зарубежной Европе, функционирует в неравномерно пульсирующем ритме, который определялся как внутривнутриполитическими и внутривнутрирегиональными факторами, так и состоянием окружающей международной среды. Применительно к зарубежной Европе это означает возможность существования в западноевропейском интеграционном пространстве нескольких конкурирующих «инициативных ядер»; появление внутри группы интегрирующихся стран разных полюсов политических и экономических тяготений; допустимость существования внешних сфер преференциальных связей между странами, не входящими в Европейский Союз, и отдельными странами «интеграционного ядра»; возможность разной степени участия тех или иных стран в реализации интеграционных целей.

(вплоть до полного отказа), в зависимости от меры их готовности, способность ядра вовлекать внешних партнеров в поле интеграционных взаимодействий с ЕС без предоставления полноправного членства.

6. С точки зрения парадигмы обеспечения безопасности необходимо отметить, что военно-политическая структуризация региона предшествовала развитию «мирных» кооперационных связей между западноевропейскими странами. Это содействовало интеграции: между США и их западноевропейскими союзниками по НАТО существовал политико-идеологический консенсус и своеобразная система «разделения труда», в рамках которой от западноевропейских интеграционных институтов не требовалось обременять себя задачами обороны и безопасности. В подходе к обеспечению безопасности в западноевропейской интеграции выявлено две парадигмы действия. Первая - «опора на собственные силы» - предполагающая стремление к институциональной и финансовой автономии в вопросах обороны и миротворчества – преобладала в ЕС на первом этапе интеграционного строительства. В начале 1950-х годов доминировала точка зрения, согласно которой построение надежного экономического объединения невозможно без тесного взаимодействия в военной области. Эта точка зрения лежала в основе проекта Европейского оборонительного сообщества. Парадигма «опоры на собственные силы» вновь обозначилась в образе действия ЕС в 1990-х годах, когда сорокалетний опыт эволюции западноевропейской интеграции подвел ЕС к идее создания собственной инфраструктуры безопасности. Выражением этой тенденции стала идея «европейской оборонной идентичности», прописанная в Петербургской декларации 1992 года, а также действия по реанимации ЗЕС в качестве инструментальной основы сотрудничества членов ЕС в этой области.

Параллельно, и часто чередуясь с первой, в сфере безопасности ЕС просматривается другая, более устойчивая и, по-видимому, более органичная для данной группировки парадигма действия «делегирования» (или «паразитирования»), предусматривавшая сознательный отказ от проблем самостоятельного миротворчества и вообще коллективного обеспечения собственной безопасности и переложение его на плечи партнеров. В ЕС эта парадигма действия проявлялась в моменты обострения международной напряженности. Для парадигмы действия в ЕС в целом не характерно стремление браться за урегулирование конфликтов или вмешиваться в них при помощи силы. Отдельно следует сказать о присутствии в парадигме действия ЕС в рассматриваемой сфере архетипа финансовой рационализации безопасности.

Осмысление историко-политического типа интеграции в Восточной Азии, в свете сравнительно-аналитического исследования, дал возможность сформулировать следующие положения.

1. Интеграционное начало в регионе наиболее ярко представлено в многостороннем варианте АСЕАН и производным от него механизмом «АСЕАН плюс Три» (АПТ), а также на двустороннем уровне – американо-японским комплексом взаимодействий Форум Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС), хотя теоретически представляет собой альтернативный интеграционный процесс, фактически в этом качестве «не работает», а является многосторонней консультативной площадкой для развития регионального общения и сотрудничества на традиционной *неинтеграционной* основе.

2. В Юго-Восточной Азии, как и в Западной Европе, роль «ядра» сыграла узкая группа стран – пять первоначальных членов АСЕАН. В обоих случаях исходный многосторонний формат «ядра» растворял двустороннее соперничество ведущих стран каждой из групп. В Западной Европе посредством интеграции гасился франко-германский антагонизм, в ЮВА – территориальные споры и историческое соперничество Индонезии и Малайзии. Протоинтеграционные группировки и в Европе, и в Восточной Азии должны были определиться в отношении глобального биполярного противостояния СССР и США. Но выбор ЕЭС и АСЕАН сделали разный: западноевропейская «шестерка» взяла курс на вооружение и «присоединение», поставив себя на платформу союза с Соединенными Штатами Америки. Азиатские государства встали на позиции умеренного национализма, нейтрализма и неприсоединения.

3. По-разному был решен вопрос о целях группировки. Специфика западноевропейской интеграции состоит в том, что Сообщества исходно конституировали себя как интеграционные объединения. АСЕАН сразу старался позиционировать себя как ассоциация многопрофильного сотрудничества на базе солидарности культурно и этнически близких стран. Важно понимать, что интеграция для ЕС была его «raison d'être». Для АСЕАН, при всей ее нарастающей важности, интеграционные цели всегда были только одним, пусть и важным, компонентом более обширного спектра деятельности. В самом деле, хотя экономический приоритет был сформулирован в Бангкокской декларации 1967 г. одним из первых, фактически экономические мотивы в деятельности АСЕАН были доведены до уровня конкретных решений и преобразованы в практические действия довольно поздно – в конце 1980-х – начале 1990-х годов. На учредительном этапе их потеснили соображения безопасности, которые для стран Юго-Восточной Азии означали прежде всего гарантии невмешательства со

стороны великих держав (антиимпериализм) и самоизоляцию от войны во Вьетнаме. Существен был и идеологический компонент в деятельности АСЕАН: *антикоммунизм*, который в ряде стран фактически истолковывался как сильные этноцентристские, *антикитайские настроения*, и *доктрина неприсоединения*, которую в восточноазиатском контексте перекодировали в принцип нейтрализма, фактически представлявшего собой форму группового азиатского национализма.

4. В «АСЕАН плюс Три» и в ЕС механизм принятия ключевых решений работает типологически схожим образом. Главную роль в них играют не наднациональные институты, а исполнительная власть стран-членов. В ЕС – это Европейский совет, а в Восточной Азии – регулярные саммиты глав государств и правительств. Сфера компетенции наднациональных органов в Евросоюзе охватывает в основном самые «технократические» сферы – отношения экономического и научно-технического характера. Государства ЕС неохотно следуют наднациональной процедуре принятия решений⁸⁸. Многие вопросы реального делегирования суверенитета по-прежнему решаются путем межправительственных согласований. В Азии более сложная картина. На фоне продолжительной и трудной борьбы за суверенитет в политике сама эта мысль не получает поддержки. В Восточной Азии идея ограничения суверенитета, его делегирования на наднациональную ступень подсознательно связывается с «реанимацией колониализма». *Идеал Восточной Азии – не универсальная, а избирательная, не максимальная, а дозированная интеграция в экономике под строгим контролем суверенных национальных правительств.* Местные страны готовы частично и постепенно делегировать органам межгосударственного сотрудничества и координации некоторые из своих экономических полномочий в отдельных, секторальных вопросах, но пока вряд ли – политическую власть. Стратегия регионального сотрудничества причудливо совмещается в мышлении лидеров восточноазиатских стран с образом сильного государства.

Данная черта оттеняет *фактическое* сходство ЕС и восточноазиатских механизмов интеграции – преобладание в институциональной структуре черт режима межправительственного подхода, а не жесткой наднациональности. Хотя наднациональность провозглашается одной из главных характеристик ЕС, в Восточной Азии вопрос о наднациональном регулировании даже не ставится. По этому параметру кардинального отличия между европейской и восточноазиатской моделью нет.

⁸⁸ Согласно официальной статистике Комиссии ЕС, несмотря на то что простое и квалифицированное большинство определено базовыми договорами в качестве основных методов голосования, около 80% решений в Совете принимается консенсусом

Вместе с тем принципиальное отсутствие ориентации на наднациональность в Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) и производном от нее АПТ не должно даже концептуально восприниматься как аргумент против подобия европейских и восточноазиатских интеграционных процессов и тем более против тезиса о вызревании в пространственно отделенных друг от друга частях мира однотипного интеграционного потенциала. Полученный опыт региональных сопоставлений позволил зафиксировать важное теоретическое обобщение в каждом случае конкретная форма интеграционного сближения «вбирает в себя» ровно такую долю самоограничения государств, которая признается полезной для каждого конкретного момента исторического времени и каждого специфического отрезка интеграционного процесса.

5. Существуют трудности Евросоюза с распространением интеграции из экономики в сферу политических и социальных отношений и формирования «единого этноса» - так называемым эффектом «перелива». Бурный рост межэтнических трений в ЕС в середине 2000-х годов демонстрирует условность выделения интеграции в социальной области как базового и обязательного параметра интеграции. Сделанная несколько десятилетий назад заявка Западной Европы на социальную интеграцию сегодня может выглядеть в лучшем случае как «забегание вперед». В его основе лежит ситуативный учет этнодемографического состава западноевропейских стран в 1960-1970-х годах и преобладавших тогда миграционных тенденций. В этом контексте нежелание стран Восточной Азии форсировать интеграцию в социальной сфере следует воспринимать не как антипод, а, скорее, как подобие европейского подхода. Это, безусловно, противоречит логике «перелива» интеграции из экономики в социальную сферу и политику, не соответствует логике «тотальной», «сплошной» интеграции европейского типа, которая, впрочем, не подтверждается опытом самой европейской интеграции.

6. По признаку устойчивости интеграционных настроений восточноазиатские страны не уступают европейским. После Второй мировой войны странам Западной Европы понадобилось около шести лет, чтобы сделать первый крупный шаг к экономической интеграции (создание ЕОУС в 1951 году). Малые и средние страны и территории Восточной Азии потратили на подготовку условий для первых интеграционных шагов (подписание соответствующих соглашений в АСЕАН, создание и развитие АПТ) около 30 лет – с начала 1960-х до середины 1990-х годов. За истекший период страны не разочаровались в перспективности интеграционной стратегии, которая продолжает медленно воплощаться, несмотря на то, что, в отличие от компактного и культурно однородного интеграционного очага

Западной Европы, регион даже Юго-Восточной Азии, не говоря о Восточной Азии, разнороден культурно и отчасти политически. Однако устойчивого коллективного стремления к материальному благополучию на базе сотрудничества и солидарности оказалось достаточным, чтобы продолжать систематические усилия по выведению регионального сотрудничества далеко за рамки традиционного межгосударственного взаимодействия, хотя делают они это с явным отклонением от западноевропейского маршрута. Продолжая шаги в направлении взаимного экономического сближения, восточноазиатские страны применяют для его характеристики слово «регионализм». При этом оно употребляется в том же значении, что и слово «интеграция» в применении к ЕС. В обоих случаях имеется в виду преференциальное сближение для достижения общих целей.

7 Для Восточной Азии характерна *асинхронность* и *многоуровневость* экономической интеграции, которая проявляется с разной степенью глубины и интенсивности на нескольких уровнях. В рамках наиболее консолидированного ядра – АСЕАН-6 речь идет о функционировании зоны свободной торговли, ставятся и решаются задачи создания единой зоны услуг и инвестиций. На уровне внешней оболочки – АСЕАН в формате «АСЕАН + Три» и решаются задачи финансовой координации.

8. В отличие от ЕС, где формально-правовые условия интернационализации экономик созданы, а реальное желание к этому со стороны бизнеса запаздывает, в Восточной Азии интеграция была производной от заинтересованности бизнеса в экономической экспансии, что было возможным на путях включения в производственно-распределительные цепочки как можно большего числа государств региона. Она протекала часто «помимо» и вопреки отсутствию межгосударственных двусторонних и многосторонних мер интеграционного характера.

9. Обращают на себя внимание важные типологические различия парадигм экономической интеграции. В Западной Европе отчетливо прослеживается строгая очередность этапов в сращивании хозяйств, ставшая в литературе 1950-1990-х годов «классической». Там интеграция в торговле предшествовала интеграции в сфере финансов и особенно валютного обращения. В Восточной Азии, в силу наложения на ускорившиеся интеграционные процессы глобализации мировых рынков капитала, интеграция в торговле хотя и опережала все другие этапы интеграции, но вскоре стала развиваться параллельно с валютно-финансовой интеграцией, которая со временем, особенно в свете кризиса 1997-1998 годов, превратилась в главный акцент усилий восточноазиатских государств в деле сближения их экономик.

Если в ЕС валютно-финансовую интеграцию предваряло создание полноценного таможенного союза с возведением единого тарифного барьера по периметру внешних пределов сообщества, а фаза зоны свободной торговли оказалась «смазанной», то в Восточной Азии этап создания таможенного союза пока себя не обозначил. Миновав его, страны сразу приступили к созданию ЗСТ с внегрупповыми странами и шагнули к этапу валютно-финансовой координации.

10. Специфична природа договорно-правовой базы складывающегося экономического сообщества АПТ в Восточной Азии. Она носит комбинированный, индивидуально-групповой характер. Это означает, что страны АСЕАН заключают соглашения по формуле «10 + 1» в качестве коллективного субъекта. Вот почему темпы и качество интеграции внутри «десятки» должны опережать интеграцию в более широком масштабе региона.

11. Типологическое своеобразие демонстрирует подход восточноазиатских лидеров в процедурно-языковом вопросе, поражающий своим прагматизмом. Согласно формальной логике прохождения стадий насыщения государственным суверенитетом, именно незападные, а точнее – неевропейские государства должны были бы настаивать на использовании всех языков в статусе официальных. Это закономерно – ведь они не трактуют демократию и демократичность как уважение прав меньшинств, даже если это ведет к ущемлению прав большинства. Как представляется, то, что обычно принимается за культурно-языковую идентичность Европейского Союза, скорее всего, является на деле его политической идентичностью, так как с точки зрения критериев целесообразности и административно-процессуальной эффективности, практика перевода на более чем два десятка языков, скорее, замедляет, нежели упрощает интеграцию в Европе. В Азии базис идентичности, как и в Европе, более мотивирован политически, чем культурно, но в Европе упоенность идеями политической свободы и своим превосходством над другими частями мира вылилась в подчеркнуто почтительное отношение к языкам и локальным культурам малых этнических групп. В Восточной Азии основой региональной идентичности были не столько культура, сколько исторически утрамбованные политические комплексы, чувство солидарной обиды за унижение и подчиненное положение Азии в XIX-XX веках. Эти политические представления, так же как и идея превосходства возвращенной в Европе либерально-демократической философии, доминировали при реализации интеграционных проектов. Но в отличие от Европы, из них вырос не болезненный интерес к собственной разнolikости, а ощущение острой потребности найти прагматические формы претворения своей

региональной солидарности как солидарности азиатских государств, имеющих общую (печальную) историю «против всех остальных».

12. Чередование циклов расширения и сжатия в парадигме роста восточноазиатской интеграции, особенно в 1990-х – 2000-х годах можно описать как соперничество в восточноазиатском регионализме двух тенденций – азиатской, представленной АСЕАН и производными от него форматами, и тихоокеанской, воплощенной в форуме АТЭС. Первая представляет идею более медленного, избирательного и ограниченного сближения преимущественно на азиатской основе. Вторая – широкой интеграции с теоретически не ограниченным участием неазиатских стран. Эти процессы внешне напоминают то, как в Западной Европе в 1950-1970-х годах боролись между собой идеи континентальной и евроатлантической интеграции. В Восточной Азии, как и в Западной Европе, соответствующие конкурирующие идеи не противостояли друг другу фронтально, а развивались, влияя друг на друга. При этом идея «азиатизма», то есть доктрина, постулирующая необходимость развивать «строгую региональную» группировку без участия или вмешательства западных стран, оставалась вдохновляющей идеей восточноазиатской интеграции с момента возникновения первых интеграционных проектов в 1960-х годах.

Важно, что в Восточной Азии, как и в ЕС, процесс сближения идет с «переменной» скоростью. В Западной Европе преобладает забегание вперед, когда напор интеграционной активности наталкивался на жесткое сопротивление либо национальных государств, либо электората. Особенно отчетливо описанные компенсационные механизмы «торможения» интеграционного движения проявились во время кризисов 1970-х годов и конституционного кризиса 2000-х годов (по крайней мере, именно такое определение эти эпизоды получили в публицистике и исследовательской литературе)

Интеграционный процесс в восточноазиатском варианте, по контрасту с европейским, характеризуется медлительностью, выжидательностью, осмотрительностью. Там также случались откаты, однако в силу исходно низкой скорости интеграционного движения, они не казались кризисами, притом что самый первый откат наступил сразу после создания АСЕАН и длился с 1967 по 1976 год. Он был продиктован страхами, которые наполняли столицы стран-членов АСЕАН: все были уверены, что в условиях войны США во Вьетнаме американцы обязательно попытаются вмешаться в региональные интеграционные процессы, подмяв их под себя и подчинив их задачам противостояния с коммунизмом. В Восточной Азии интеграционное сближение происходит в большем соответствии с местной конкретикой – мерой готовности или неготовности местных стран сближаться друг с

другом, не конфликтуя. Очевидно, что скорость интеграции в АТР строго соизмеряется с ритмами восточноазиатской истории *точно так же*, как Евросоюз развивался темпами, которые ему задавал общий ход истории послевоенной Европы.

13. С точки зрения структуры интеграционного поля восточноазиатский регионализм представляет собой подобие системы концентрических кругов. Внутренний круг образует первоначальная пятерка АСЕАН (Индонезия, Малайзия, Филиппины, Сингапур, Таиланд), второй круг – АСЕАН «в формате десяти» (в дополнение к перечисленным – Бруней, Камбоджа, Лаос, Мьянма и Вьетнам), третий круг – «АСЕАН+3» (Китай, Южная Корея, Япония). Внешний круг образует консультативная система Восточноазиатского саммита, целью которого является подготовка почвы для создания Восточноазиатского сообщества в составе АСЕАН+3, а также Австралии, Индии и Новой Зеландии, которые плотно встроились за минувшие десятилетия в экономические связи с близлежащими странами Азии. Однако эти три страны не являются участниками ни одного из главных проектов АСЕАН, и планов такого рода в столицах АСЕАН пока не имеется. Поэтому речь может идти только о потенциале интеграционной активности в рамках ВАС, который должен рассматриваться в качестве резерва географического роста АСЕАН в будущем.

Фактически в организационном отношении, а также в немалой мере и политически, страны АСЕАН сегодня играют в регионе роль, приблизительно сходную с той, которую играло ЕЭС в Западной Европе с середины 1960-х годов. При этом инициатива АТЭС, на которую в 1990-х годах в свете глобальной либерализации торговли и внимания к концепции открытого регионализма возлагали особые надежды, фактически исчерпала свой изначальный интеграционный потенциал. Интеграция, после непродолжительного зигзага в сторону экстенсивного расширения, вновь вернулась в региональное русло формата АПТ.

14. Для модели обеспечения безопасности участников восточноазиатских интеграционных процессов характерен ряд моментов. Во-первых, приоритет двусторонних шагов и договоренностей над многосторонними инициативами в области безопасности. Во-вторых, готовность опираться на внерегиональные державы при обеспечении безопасности, прежде всего на США, в ущерб развитию эффективных региональных механизмов в этой сфере. В то же время эти черты представлены в регионе неравномерно. Страны Юго-Восточной Азии, представленные АСЕАН, в гораздо большей степени, нежели страны Северо-Восточной Азии, склонны координировать свои действия в сфере

безопасности, особенно во взаимоотношениях с крупными региональными и мировыми державами.

В ЕС реализация американской повестки дня по оформлению военно-политического альянса с западноевропейскими партнерами содействовала интеграции. О понимании этого в среде западноевропейских элит сигнализировал провал инициативы Европейского оборонительного сообщества при голосовании во французском парламенте 1954 году. Этот же фактор в Юго-Восточной Азии также сыграл на интеграцию, правда, совершенно противоположным образом: участие в военных блоках, инициированных западными державами, обострение биполярной конфронтации на Дальнем Востоке и в ЮВА, в сочетании с неразрешенными территориальными противоречиями в самих этих странах, толкали государства региона к объединению (образование АСЕАН в 1967 году). Вместе с тем необходимость самим заниматься вопросами поддержания своего нейтралитета, препятствовать вмешательству внерегиональных держав и военно-идеологическая поляризация региона, отягощенная системой двусторонних союзов сверхдержав с отдельными государствами региона, определила ориентацию внешнеполитической интеграции стран региона на строительство весьма специфической модели взаимодействия, логика которой напоминает своего рода «слабовооруженный нейтралитет на многосторонней основе».

На защиту выносятся следующие выводы.

1. Сопоставление разных интеграционных группировок посредством анализа «парадигм действия» в главных сферах сближения может служить результативной методологической основой анализа региональных вариантов интеграции.

2 В течение последних двадцати лет Евросоюз решительно преодолевает в себе жесткость и радикализм «интеграционной ортодоксии» публикаций, политических деклараций и практики 1960-1980 годов. Происходит заметное смягчение исходных принципов сближения и обогащение его форм. Это выражается, в частности, в отказе от установок на жесткий федерализм, в переносе акцента на разноскоростное и многоформатное сотрудничество - как в экономике, так и в политике.

3 Само понятие «интеграция» быстро и существенно меняется, что ведет к размыванию казавшегося 20 и 30 лет назад незыблемым «европейского интеграционного канона». Трактовки интеграции вбирают в себя опыт неевропейских интеграционных очагов, и в этом смысле даже интеграция ЕС становится «менее европейской», или во всяком случае, менее западноевропейской, если иметь в виду исходные интеграционные представления и сформулированные в конце 1950-х годов правовые нормы.

Европейская интеграционная модель опытным путем, родившись в специфических исторических и культурных условиях послевоенной Западной Европы, начинает утрачивать свою принципиальную уникальность, хотя и сохраняет историко-феноменологическую неповторимость.

4. И на пространстве ЕС, и в Восточной Азии в минувшие полвека наблюдаются в сущности однородные тенденции к расширению интеграционных ядер. И в той, и в другой интеграционной части мира отчетливо различимы «слои» разной интеграционной плотности (в ЕС - это старые и новые члены Евросоюза, в Восточной Азии - государства АСЕАН и страны, ищущие с ними отношений интеграционной ассоциированности).

Хотя в Западной Европе 1950-х годов разные интеграционные планы сосуществовали параллельно во времени и конкурировали друг с другом (ЕЭС и ЕАСТ, «план Плевена» и «план Шумана»), расширение сферы интеграции в зарубежной Европе протекало в форме поступательного поглощения исходным ядром сопредельных территорий.

В Восточноазиатском регионе инициативы объединительного характера не противостояли друг другу фронтально. Они налагались одна на другую, встраиваясь в уже сложившиеся форматы. В основе объединительных тенденций в экономике АТР – «интеграционное ядро» государств АСЕАН. Остальные региональные протоинтеграционные проекты представляют собой по сути дела только внешние «оболочки» этого ядра.

5. При кажущемся очевидным внешнем различии интеграционных процессов в зоне ЕС и Восточной Азии, в обоих этих регионах интеграционные импульсы тяготеют не к сплошному, а к *очаговому* типу распространения. При этом на пространстве относительно компактного Европейского Союза периодическое возникновение очагов *нивелируется* фактором наличия единого правового пространства государств-членов. В Восточной Азии очаговость, наоборот, подчеркивается обширностью географического пространства интеграции и протяженностью морских и сухопутных массивов, разделяющих интеграционные очаги.

6. Имеются черты существенного типологического сходства в развитии интеграционных группировок на пространстве Европейского Союза и в Восточной Азии. Сходство прослеживается прежде всего в следующем:

- содержании мотивационного комплекса в обоих ареалах, в структуре которого важную роль играла боязнь внутрирегиональных конфликтов, необходимость объединения перед лицом более крупных, прежде всего внерегиональных игроков (Советского Союза - в Европе; Китая, США и СССР - в Восточной Азии);

- установке на упрощение условий внутрирегионального экономического обмена и создание условий для повышения конкурентоспособности интеграционной группы в целом по отношению к «сторонним» государствам,

- усилиях по созданию символов общей идентичности, основанных на политических мифах об общем историко-культурном наследии и общности исторических и экономических судеб в будущем,

- механизме управления интеграционным процессом, для которого в обеих сравниваемых группировках характерен акцент на преобладании межправительственного подхода к принятию главных решений,

- парадигме обеспечения безопасности, основанной на полускрываемом, но вполне очевидном фактическом согласии делегировать значительную часть бремени ответственности за решение вопросов безопасности внерегиональным державам (США - в рамках ЕС; политико-консультационному механизму взаимного уравнивания между США, Китаем, Россией и Японией - в Восточной Азии).

Основные положения и выводы диссертации отражены в следующих публикациях автора:

1. Интеграционные маршруты Западно-Центральной Европы и Восточной Азии // *Международные процессы*. 2007. Т. 5. № 3. (1,3 п.л.)
2. Интеграция в Азии: опыт геополитической интерпретации // *Международные процессы*. 2008. Т. 6. № 3. (0,3 п.л.)
3. Нестандартная интеграция и стареющие стандарты // *Международные процессы*. 2007. Т. 5. № 2. (0,3 п.л.)
4. Кому угрожает безопасность Китая // *Международные процессы*. 2007. Т. 5. № 1. (0,3 п.л.)
5. Историко-политические типы интеграционных взаимодействий в Восточной Азии и зарубежной Европе: вклад политического анализа // Сборник публикаций Конвента РАМИ. М., 2009. (1,5 п.л.)
6. Региональные варианты международной интеграции // Современная мировая политики / Учебное пособие для студентов ВУЗов М. Аспект Пресс, 2009. (1,5 п.л.)
7. Эволюция подходов ЕС в сфере безопасности // Сборник публикаций по итогам научной конференции «Россия в современном мире». М : ИМЭМО РАН, 2009. (1 п.л.)
8. Facets of Integration: the Role of Ideas in Shaping European and East Asian Unities // *The Crossroads. The Macedonian Foreign Policy Journal* Vol. 1. No. 4. 2008 (1 п.л.).

Тираж 100 экз. Заказ № 573

Издательство «МГИМО-Университет»
119454, Москва, пр. Вернадского, 76

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии
и множительной техники МГИМО(У) МИД России
117218, Москва, ул. Новочеремушкинская, 26